

История болезни — история любви

Она выходит к самому первому ряду зрителей, показывает портрет мужчины, лицо его знакомо всем в России, и начинает свою исповедь. Она, Антонина Ивановна, урожденная Милюкова, — вдова Петра Ильича Чайковского, который как композитор выше даже Рубинштейна. Ее муж был человеком огромной гениальности, и лучшая вещь его — опера «Евгений Онегин» — сочинялась, когда они были вместе... Она говорит, что самым лучшим были в лице Петра Ильича глаза, которые смотрели мягко и добро, в глаза-то она и влюбилась... Он был чудесным человеком, несмотря на недостатки характера...

Она вспоминает, проживает эпизод за эпизодом свою жизнь, выстраивает эту жизнь на наших глазах. Она ушиблена, травмирована своей любовью, в конце концов убита ею. Не превозмогло это несчастное существо своей незадавшейся любви к великому композитору, не могла сложиться супружеской жизни, что длилась чуть больше двух месяцев. А после расставания (вернее, она была оставлена) произошло столько нелепого, и трагического — получала пенсию от бывшего мужа, скиталась по меблированным комнатам, сошла с человеком, с которым прижилась троих детей, все трое умерли в воспитательном доме, потом нищета, заточение в доме скорби и смерти там в уже новом, двадцатом, веке. Полное посмертное забвение.

В доме скорби, то есть доме для умалишенных, и происходит действие спектакля Нового театра «Гадина». Долгий монолог, страстный до горячности, до пароксизмов главного и единственного действующего лица делится читаемыми вслух записями из истории болезни да прерывается порой криками обитательниц соседних палат. В основе композиции личное дело за № 2980 больной Чайковской Антонины Ивановны, находившейся и умершей в Доме призрения душевнобольных императора Александра III, а также письма и воспоминания покойной (из программки).

Ух, какую же по нынешним свободнo-бесцензурным временам разлюли-малину можно было бы соорудить из такого материала, подбавь к нему чуть-чуть и по сегодня циркулирующих слухов и сплетен. Но оставивший композицию Андрей Сергеев (он же постановщик и сценарист) при полнейшем владении темой предельно деликатен, сдержан, прикасаясь к столь тонкой материи, как частная жизнь великого человека.

Эмоциональный спектр спектакля — от вынесенного в заголовок слова («гадиной») и... своей «ужасной раной» называл жену композитор до надписи на венке, присланном Антониной Ивановной на похороны Петра Ильича Чайковского: «От боготворившей его жены». Актриса театра «Современник» Тамара Дегтярева, выступающая в роли Антонины Ивановны, основательно обжила это обширное поле быстро сменяемых чувств и настроений. То героиню заносит в чрезмерную гордость за свою старинную дворянскую фамилию и чистую русскость, то вдруг прорывается наем на что-то потаенное, с мужем связанное, и тут же рассказчица осекается.

Расставшись с человеком, кого так любила, она словно потеряла точку жизненной опоры, словно вдруг очутилась над бездной, раскачиваясь на качелях. То является нам лицо земной, приземленной даже, обыкновенной женщины,

которая могла бы быть вполне удовлетворена удачным браком с обычным, под стать ей человеком, ровно горящим семейным очагом, детьми. Но не случилось. И от такой злой, в чем-то даже роковой доли заводится в душе тоска-кручина, в глазах нет-нет да и вспыхнет яростный огонек, в голосе прорвутся истеричные нотки. А то ослепит нас та же женщина светлым ликом Афродиты небесной — умеющей любить не для себя только, не любовью собственницы, а для другого, жертвуя избраннику всем, в том числе земным счастьем.

Невольно вспомнишь строки современника композитора, великого знатока человеческого сердца Федора Ивановича Тютчева: «Душа хотела б быть звездой», «Любовь, любовь — глядит преданье — союз души с душой родной — их съединенье, сочетание, и роковое их слиянье, и... поединок роковой...», «Душа, увы, не выстрадает счастья, но может выстрадать себя».

И разве не те же чувства явлены в музыке Чайковского? Взять хотя бы последнюю сцену «Онегина», последнее объяснение и расставание героев. Известно, что композитор поначалу поправил Пушкина, заставив Татьяну броситься в объятия любимого ею Евгения, а потом все-таки закончил оперу по-пушкински. Вот и в апофеозе балета «Щелкунчик» двое клянутся любить друг друга во всю долгую жизнь, настал сладостный миг соединения сердец, когда разом явлены человеку и жизнь, и слезы, и любовь... А за ликующей, торжествующей темой улавливаешь в музыке словно бы скрытые рыдания, ноты грозные, трагические, предвещающие утреннее пробуждение повзрослевшей Маши: ее сон развеялся, мечта, глядь, улетела. Так, видно, Бог судил: здесь, в земной юдоли, несбыточно счастье, неосуществимо.

Ну вот, я попыталась передать вам, о чем думала, что чувствовала на моноспектакле «Гадина». Тамара Дегтярева не играет ни сумасшествие или патологию, ни пошлость либо что-нибудь другое столь же низменное. Ни малейшей попытки уйти в слезливость, актерский наигрыш, штамп. Да и то сказать: чувствуется воля и направляющая рука молодого режиссера, выстроившего роль как по нотам, как партитуру для женского голоса соло.

Андрей Сергеев поставил в сущности музыкальный спектакль, хотя самой музыки в нем немного, только дуэт «Мой миленький дружок» из «Пиковой дамы». Предложена еще реконструкция голоса Чайковского, этот чуть странный, загадочный голос и по прошествии нескольких дней все звучит где-то в мозгу. Заставляет припомнить, что, во-первых, как утверждают специалисты, слух — гораздо более тонкий орган чувств, нежели зрение, а во-вторых, что голос — это еще одно, звуковое, лицо человека, а значит, еще одно зеркало его души. И поэтому, на мой слух, интенсивность окружающих героиню криков, особенно к концу спектакля, надо бы несколько снизить.

Но прежде всего и больше всего нужно порадоваться за актрису Тамару Дегтяреву, дарование которой было востребовано, пусть даже и не родным театром. К огромному удовольствию тех, кто любит сценическое искусство, волшебнo рождающееся непосредственно на твоих глазах.

Татьяна ВИНТИЛОВА.

На снимке: Антонина Ивановна — Т. Дегтярева.
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.